

Перцев Владимир Владимирович,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и методики ее преподавания ФГОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина», г. Елец

mr.vladimir.pertsev@yandex.ru

Учебный процесс в гимназиях Орловской губернии

Аннотация. Статья посвящена вопросам становления гимназического образования в Орловской губернии. Автор анализирует учебные планы и учебные программы, действующие в гимназиях на протяжении XIX в. Особое внимание уделяется особенностям женского и мужского образования.

Ключевые слова: гимназия, дореволюционное образование в России, Орловская губерния.

Раздел: (01) педагогика; история педагогики и образования; теория и методика обучения и воспитания (по предметным областям).

Образовательный процесс в казенных и частных гимназиях строился в соответствии с общими принципами, сформулированными для данного типа школы в правительственных документах, циркулярах и постановлениях. Как отмечает дореволюционный исследователь гимназического образования в России В. Е. Рудаков, частные женские гимназии «обязаны, как и мужские частные гимназии, держаться правил и программ, установленных министерством народного просвещения, и подчиняться распоряжениям местного учебного округа» [1]. Объем преподавания предметов учебного курса, а также распределение их по классам определялись учебным планом, издаваемым от министерства народного просвещения [2]. Отступление от министерских программ и установленного инструкцией распределения уроков допускалось только с согласия министерства народного просвещения. Это делалось с целью обеспечить единство в содержании и организации учебного процесса [3].

Что касается содержательной стороны обучения в гимназиях, то следует отметить, что на протяжении всего XIX в., в том числе во второй половине, содержание учебных планов и программ неоднократно менялось. Самым продолжительным по действию школьным Уставом, функционировавшим с небольшими изменениями порядка пятидесяти лет, вплоть до революции 1917 г., был Устав, принятый в 1871 г. под руководством министра Д. А. Толстого. Несмотря на то что в 1877 и в 1890 гг. предпринимались попытки изменения учебных планов, они не внесли существенных перемен в гимназическое обучение. Е. Е. Медынский отмечает, что после 1871 г. существенных изменений в деятельности гимназии не вносилось вплоть до начала XX в. [4] Менялось лишь распределение учебных предметов по годам обучения.

Учебные программы женских гимназий после Устава 1871 г. также коренным образом не менялись. Принципиальным отличием образования в женских гимназиях было фактическое отсутствие перспективы получить высшее образование. Высшие женские курсы стали появляться в России только в середине 70-х гг. Совместное обучение в университетах не допускалось. Поэтому даже современники путались в определении места женских гимназий в национальной системе образования. В частности, в словаре «Россия» отмечено: «Учебные заведения России представляют собой в высшей степени сложную систему, которую весьма трудно привести в какой-нибудь планомерный порядок... К женским учебным заведениям такая мерка и вовсе неприемлема; кроме того, они

и во многом другом стоят совершенно особенно» [5]. И между тем, несмотря на практическое отсутствие высшего женского образования, женские гимназии занимали важное место в деле подготовки педагогических кадров для начальной школы.

Политику государства в области женского образования можно охарактеризовать в целом как недальновидную, возложенную целиком на земства и городские общества. Женские гимназии и прогимназии министерством народного просвещения открывались, с разрешения попечителей учебных округов, только в городах, где предоставлялась возможность обеспечить их существование посредством общественных или частных пожертвований. В отличие от мужских, учебные программы женских гимназий не были обременены изучением древних языков. Как отмечал В. Е. Рудаков, учебные планы женских гимназий «приближаются к планам мужских, а по некоторым предметам тождественны, например Закону Божию, русскому языку, истории (за исключением древней), физике и географии (несколько в другом порядке)» [6]. К особенностям можно отнести: 1) перенесение основных понятий логики в V кл. и 2) отсутствие тригонометрии и более краткие курсы алгебры и геометрии. Окончившим 7 классов женской гимназии выдавался аттестат на звание учительницы начальных школ, окончившим 8 классов – домашней учительницы, а получившим притом медаль – домашней наставницы.

Вместе с тем, как отмечали современники, цели мужской и женской школы были различными: «Мужскими гимназиями правительство имеет в виду подготовить для государства развитых работников, деятелей для государственных потребностей, чиновников разных видов и профессий. Задача женской средней школы – подготовить хозяйку дома, мать» [7]. Учебные планы как мужских, так и женских гимназий были объектом жесткой регламентации, и всякое отступление от них не допускалось. Вместе с тем, согласно § 74 (п. 3) Устава 1871 г. [8], распределение преподавания учебных предметов по дням и часам, а также их обсуждение и окончательное утверждение на основании установленных таблиц числа недельных уроков оставалось за педагогическим советом учебных заведений. Некоторая свобода в деле утверждения планов предоставлялась при обсуждении необязательных и дополнительных предметов. Это положение было особенно востребовано в провинции, где порой возникали трудности с проведением дополнительных учебных предметов вследствие нехватки педагогических кадров.

Проведенный С. Н. Скрипченко анализ учебных программ учебных планов и программ гимназии позволил ей сделать вывод, что требования к изучению русского языка и словесности в мужских и женских гимназиях существенно не отличались [9]. Программа женских гимназий отличалась от мужской прежде всего отсутствием древних языков в качестве обязательных дисциплин; в целом же основные предметы мужской гимназии находили отражение в программах женской. Оценивая неравноправность мужских и женских гимназий и их созвучные учебные программы, люди той эпохи задавались вопросом: «Исходя из того положения, что женщине главным образом предназначено в жизни быть хозяйкой в доме и воспитательницей детей, невольно напрашивается вопрос – для чего ей такие знания по географии, истории и математике, какие заключаются в программах? Какая цель наполнять голову девушки заучиванием незначительных рек, городов, статистических цифр привоза и вывоза чего-либо чуть ли не по каждому уезду, перечислением по районам всех предметов промышленности добывающей и обрабатывающей... только педагогика развита в надлежащем объеме и то, надо полагать, потому, что выпускной аттестат включает в себе разные степени учительского звания» [10]. Нельзя не отметить справедливость этой оценки, так как к высшему образованию женские гимназии не готовили.

Исходя из понимания гимназии как идеологического института, советские авторы во многих работах говорили о классовом характере образования до революции, и в

качестве примера всегда приводилась гимназия. Между тем, согласно официальному законодательству, в гимназиях и прогимназиях обучались дети всех сословий, без различия званий и вероисповедания [11]. То, что наряду с дворянами в гимназиях Орла второй половины XIX в. обучались дети священников и других сословий, подтверждают архивные документы. А к концу XIX – началу XX в. к этому вопросу стали подходить еще либеральнее.

Единые и жесткие требования к регламентации процесса обучения в гимназии обуславливались насущной необходимостью: по существующей в то время традиции не было разницы, какую гимназию заканчивать, столичную или провинциальную, после окончания гимназии абитуриент мог выбирать сам университет или другое учебное заведение на свое усмотрение и поступать туда без экзаменов. А такая практика была бы целесообразной лишь в случае полной уверенности высшего учебного заведения в знаниях абитуриента. Таким образом, в соответствии с целями обучения строился учебно-воспитательный процесс, происходил отбор содержания, средств и методов обучения, которые в итоге решали главную задачу гимназического образования – подготавливали молодых людей к поступлению в университет. Обязательно было изучение только одного из новых языков. Черчение и рисование преподавались за отдельную плату. Гимнастика и пение преподавались всем воспитанникам бесплатно. По желанию родителей и за особую плату можно было обучаться музыке и «танцеванию» [12].

В учебном плане Елецкой гимназии за 1874/1875 учебный год больше всего часов было выделено на изучение иностранных языков. Кроме латинского и греческого изучали еще немецкий и французский. При этом латинский язык гимназисты начинали изучать с первого класса, а все остальные – со второго. Затем по количеству отведенных часов следуют русский язык, математика, география, история. Русскую словесность изучали только в старших классах. Все годы обучения неизменное внимание уделялось гимнастике, которой, как и Закону Божьему, были отданы два часа в неделю во всех классах [13].

Такое явно неравномерное распределение часов по предметам, конечно, должно порождать вопросы. Дискуссия по этому поводу шла уже в середине XIX в., когда решалось, каким быть гимназическому образованию. В книге Е. П. Белозерцева «Образ и смысл русской школы» широко представлены важные этапы развития русской школы и ее наиболее яркие представители. Там мы находим, что русский теоретик педагогики К. Д. Ушинский, анализируя устоявшиеся тогда каноны классического образования (с преобладанием изучения латинского и греческого языков), пришел к однозначному выводу: «В классическом мире нет для нас образовательной, педагогической силы» [14]. «Признавая высокое образовательное значение древних языков, – пишет Е. П. Белозерцев, – Ушинский говорит о том, что, занимаясь исключительно ими, мы не можем ни понять, ни оценить своего родного языка. Поэтому он говорит “о необходимости изучения классических языков не для всех тех, кто хочет иметь высшее гуманитарное образование, но только для тех, кто хочет иметь ученое филологическое образование”. Что же касается других, то “главным предметом в общем гуманном развитии современного человека должны стать вовсе не классические языки, а родной язык и родная литература”» [15].

В расписании занятий мужской гимназии г. Орла, начиная с первого класса, ежедневно значились 5–6 уроков. 41% учебного времени отводился языкам: древним – латинскому, греческому – и современным – русскому, французскому, немецкому. Столько же времени в сумме занимали математика, физика, естествознание. Закон Божий во всех классах (младших и старших) – почти 6%. Остальное учебное время уделялось истории, географии, рисованию, черчению. К необязательным предметам относились пение, гимнастика и «занятие двумя языками вместе» [16].

Однако несмотря на то, что около 40% учебного времени было отведено на изучение древних языков, преждевременно было бы делать вывод, что они были главными предметами гимназического курса. На возможность ошибиться в таком утверждении указывает хотя бы то, что, например, главным предметом старой гимназии считался Закон Божий, на который отводилось всего лишь два часа в неделю. По утверждению современников, религия занимала «самое высшее и главное место между предметами, преподаваемыми в гимназии» [17]. Закон Божий стоял в первом пункте всех учебных программ среднеобразовательных заведений России XIX в. Как отмечает известный исследователь гимназического образования Г. Н. Козлова, он имел в гимназии «господствующее значение» не только в том смысле, что был первым среди учебных предметов, но и в том, что должен был пронизывать весь «образ жизни» школы [18]. Если же оценивать его по количеству отводимого времени, то окажется, что он эквивалентен рисованию.

Религиозность – важная черта гимназического образования. Первым требованием при приеме в гимназию было знание молитв. Принимались дети, «знающие первоначальные молитвы и умеющие читать и писать по-русски и считать до тысячи, а также производить сложение и вычитание над этими числами» [19]. Одним из принципиальных отличий процедуры приема в старую гимназию был конкурс, в результате которого многих учащихся, чей уровень знаний был недостаточным, определяли в подготовительный класс. После обучения в подготовительном классе также нужно было сдавать экзамен: «Ученики подготовительных классов принимаются в первый класс гимназии и прогимназии на свободные вакансии по состязательному испытанию наравне с прочими детьми, выдержавшими это испытание. В следующие классы гимназии и прогимназии принимаются имеющие соответственные классу познания и возрасту» [20]. Министерство народного просвещения не признавало возможным отменять для учеников подготовительного класса состязательного испытания при поступлении их в 1-й класс [21]. По имеющимся у нас сведениям, возраст учеников в Орловской Алексеевской 2-й гимназии колебался в пределах от 11 до 20 лет, и притом в пределах от 13 до 17 лет включительно более 2/3 всех учеников. Поступали в гимназию дети от 9 до 11 лет. Моложе 9 лет и старше 11 лет поступали менее 10% [22].

Конкурсные требования к поступающим в гимназию учащимся можно объяснить тем, что дореволюционная гимназия не была призвана давать всеобщее образование. Она была своего рода ступенью к университету, которую нужно было преодолеть. Оставление на второй год неуспевающих учеников было широко распространено. Так, итоги 1872/1873 учебного года в Елецкой гимназии говорят о том, что из 190 учащихся в следующий класс были переведены 143. В 1874/1875 учебном году из 252 гимназистов был переведен 201. Таким образом, количество второгодников составляло от 21 до 25% обучающихся [23]. В проведенном в 1911 г. исследовании родительского комитета Орловской Алексеевской 2-й гимназии за время обучения на второй год оставался каждый второй гимназист, причем 1/3 всех оставшихся оставалась на второй год в двух классах [24]. Такие цифры в современной школе просто невозможно себе представить. Но они лишь подтверждают высокий уровень требований, который был нормой при оценке знаний гимназистов.

На этом фоне неудачи в учебе И. А. Бунина и М. М. Пришвина теряют известную долю той трагичности, с которой воспринимается второгодничество в наше время. Как видно, второгодников не считали тогда безнадежными учениками. Им давали шанс подтянуться, исправиться, полагая, что учеба сама по себе тяжелое испытание для учащегося. Но одновременно оценки гимназистам не считалось возможным завы-

шать. Учеба в гимназии не была обязательной – в нее не загоняли насильно, и покинуть ее стены было легко. Предполагалось, что в гимназии принимались только те дети, которые желают и могут учиться, усвоить определенные знания, навыки, достичь до требуемого культурного и нравственного уровня. Пожалуй, что и строгость в оценке знаний была составной частью гимназического воспитания.

В Госархиве Орловской области сохранился ряд документов, подтверждающих это. К ним относятся аттестат зрелости (1862 г.) Петра Столыпина (председателя правительства России в 1906–1911 гг.) с четырьмя удовлетворительными оценками, журнал 8-го класса (1905 г.) с выпускными оценками «круглого отличника» Николая Павловского, ставшего академиком в области гидравлики, и его одноклассника Евгения Петрученко – сына директора гимназии, у которого были две четверки, остальные – тройки [25].

Следует отметить, что в старой гимназии детям администрации жилось совсем не так, как в современной школе. Держание экзаменов в педагогических советах учебных заведений лицами, связанными близким родством с начальниками этих учебных заведений, считалось недопустимым [26]. А потому экзамены, в частности и на аттестат зрелости, такие учащиеся могли сдавать только в другом учебном заведении или специальной комиссии, которая была при попечителе учебного округа [27]. Такая требовательность вполне согласуется с той главной задачей, которая ставилась перед гимназическим образованием – подготовка молодежи к успешному усвоению университетского курса.

Ссылки на источники

1. Рудаков В. Е. Гимназия // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона: в 86 т. / подгот. по печат. изд. Ф. А. Брокгауза (Лейпциг) и Е. Ф. Эфрона (С.-Петербург, 1890–1907 гг.).
2. Алексеев П. Правила и программы всех классов мужских гимназий и прогимназий ведомства МНП (Свод узаконений и распоряжений со всеми дополнениями и разъяснениями к ним). – Одесса: Книгоиздательство «Школа», 1917. – С. 8.
3. Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. 19 в. – М.: Изд-во Академии наук РСФСР, 1954. – С. 170.
4. Медынский Е. Н. История педагогики в связи с экономическим развитием общества. – М., 1929. – Т. 3. – С. 441.
5. Мижуев П. Г. Характеристика главных типов существующих учебных заведений // Энциклопедический словарь РОССИЯ. – СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. – С. 391.
6. Рудаков В. Е. Указ. соч.
7. Бутыркин В. Мысли к вопросу о программе женских гимназий. – Тифлис, 1885. – С. 8.
8. ГАЛО. – Ф. 119. – Оп. 1. – Д. 1. Отчет о числе учебных заведений в Ельце за 1872 г. Циркуляры МНП. – Л. 41(об.).
9. Скрипченко С. Н. Развитие государственного гимназического образования в России в к. 19 – начале 20 веков (на примере Брянщины): дис. ... канд. пед. наук. – Брянск, 2000. – С. 158–159.
10. Бутыркин В. Указ. соч. – С. 10.
11. Алексеев П. Указ. соч. – С. 12.
12. Горбунов П. Классические гимназии и прогимназии. (Учебные планы предметов, программы приемные и классного преподавания, изданные МНП с объяснительными записками). – СПб., 1887. – С. 3–4.
13. Шиков С. О программе прошлых лет // Красное знамя. – 1996. – 18 марта.
14. Белозерцев Е. П. Образ и смысл русской школы: очерки прикладной философии образования. – Волгоград: Перемена, 2000. – 461 с.
15. Там же. – С. 255–256.
16. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 376. – Л. 18(об.).
17. Шарбе Р. Мысли о воспитании в гимназиях. – Казань: Типография университета, 1857. – С. 27.
18. Козлова Г. Н. Русская классическая гимназия как воспитательная система (вторая половина XIX века): дис. ... канд. пед. наук. – Н. Новгород, 1996. – С. 75.
19. Алексеев П. Указ. соч. – С. 14.
20. Там же. – С. 14–15.
21. Там же. – С. 15.
22. Доклад Председателя Родительского Комитета Орловской Алексеевской Гимназии Д-ра И. Н. Севастьянова «О постановке учебно-воспитательного дела в гимназии по данным родительской анкеты». Издано Родительским Комитетом Орловской Алексеевской Гимназии. – Орел: Тип. газ. «Орловский вестник», 1911. – С. 2.
23. Шиков С. Чему и как учили // Красное знамя. – 1995. – 16 сент.
24. Доклад Председателя Родительского Комитета Орловской Алексеевской Гимназии. – С. 2.

25. ГАОО. – Ф. 64. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 104; Д. 618. – Л. 18.
26. Алексеев П. Указ. соч. – С. 11.
27. Флит Н. В. Школа в России в к. XIX – начале XX в. Государственные гимназии, прогимназии, домашнее обучение, экстернат: метод. пособие. – Л., 1991. – С. 23.

Vladimir Pertsev,

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the chair of Mathematics and Technique of Its Teaching, Yelets State University, Yelets city

mr.vladimir.pertsev@yandex.ru

Educational process in gymnasia of the Oryol province

Abstract. The paper is devoted to the history of gymnasium education in pre-revolutionary Russia in the Oryol province.

Key words: gymnasium, education in pre-revolutionary Russia, the Oryol province.

References

1. Rudakov, V. E. "Gimnazija", *Jenciklopedija Brokgauza i Efrona: v 86 t. / podgot. po pechat. izd. F. A. Brokgauza (Lejpcig) i E. F. Jefrona (S.-Peterburg, 1890–1907 gg.)*. 1 jelektron. opt. disk (DVD-ROM) (in Russian).
2. Alekseev, P. (1917) *Pravila i programmy vseh klassov muzhskih gimnazij i progimnazij vedomstva MNP (Svod uzakonenij i rasporjazhenij so vsemi dopolnenijami i raz#jasnenijami k nim)*, p. 8 (in Russian).
3. Smirnov, V. Z. (1954) *Reforma nachal'noj i srednej shkoly v 60-h gg. 19 v.*, Izd-vo Akademii nauk RSFSR, Moscow, p. 170 (in Russian).
4. Medynskij, E. N. (1929) *Istorija pedagogiki v svjazi s jekonomicheskim razvitiem obshhestva*, vol. 3, Moscow, p. 441 (in Russian).
5. Mizhnev, P. G. (1998) "Harakteristika glavnyh ti-pov sushhestvujushhih uchebnyh zavedenij", *Jenciklopedicheskij slovar' ROSSIJa*, F. A. Brokgauz, I. A. Efron, St. Petersburg, p. 391 (in Russian).
6. Rudakov, V. E. Op. cit.
7. Butyrkin, V. (1885) *Mysli k voprosu o programme zhenskih gimnazij*, Tiflis, p. 8 (in Russian).
8. GALO. F. 119. Op. 1. D. 1. Otchet o chisle uchebnyh zavedenij v El'ce za 1872 g. Cirkuljary MNP. L. 41(ob.) (in Russian).
9. Skripchenko, S. N. (2000) *Razvitie gosudarstvennogo gimnazicheskogo obrazovanija v Rossii v k. 19 – nachale 20 vekov (na primere Brjanshiny): dis. ... kand. ped. nauk*, Brjansk, pp. 158–159 (in Russian).
10. Butyrkin, V. (1885) Op. cit., p. 10.
11. Alekseev, P. (1917) Op. cit., p.12.
12. Gorbunov, P. (1887) *Klassicheskie gimnazii i progimnazii. (Uchebnye plany predmetov, programmy priemnye i klassnogo prepodavanija, izdannye MNP s ob#jasnitel'nymi zapiskami)*, St. Petersburg, pp. 3–4 (in Russian).
13. Shikov, S. (1996) "O programme proshlyh let", *Krasnoe znamja*, 18 marta (in Russian).
14. Belozercev, E. P. (2000) *Obraz i smysl russkoj shkoly: ocherki prikladnoj filosofii obrazovanija*, Peremena, Volgograd, 461 p. (in Russian).
15. Ibid., pp. 255–256.
16. GAOO. F. 64. Op. 1. D. 376. L. 18(ob.) (in Russian).
17. Sharbe, R. (1857) *Mysli o vospitanii v gimnazijah*, Tipografija universiteta, Kazan', p. 27 (in Russian).
18. Kozlova, G. N. (1996) *Russkaja klassicheskaja gimnazija kak vospitatel'naja sistema (vtoraja polovina XIX veka.): dis. ... kand. ped. nauk*, N. Novgorod, p. 75 (in Russian).
19. Alekseev, P. (1917) Op. cit., p.14.
20. Ibid., pp. 14–15.
21. Ibid., p.15.
22. (1911) *Doklad Predsedatelja Roditel'skogo Komiteta Orlovskoj Alekseevskoj Gimnazii D-ra I. N. Sevast'janova "O postanovke uchebno-vospitatel'nogo dela v gimnazii po dannym roditel'skoj ankety"*. Izdano Roditel'skim Komitetom Orlovskoj Alekseevskoj Gimnazii, Tip. gaz. "Orlovskij vestnik", Orel, p. 2 (in Russian).
23. Shikov, S. (1995) "Chemu i kak uchili", *Krasnoe znamja*, 16 sent. (in Russian).
24. *Doklad Predsedatelja Roditel'skogo Ko-miteta Orlovskoj Alekseevskoj Gimnazii*, p. 2.
25. GAOO. F. 64. Op. 1. D. 192. L. 104; D. 618. L. 18.
26. Alekseev, P. (1917) Op. cit., p. 11.
27. Flit, N. V. (1991) *Shkola v Rossii v k. XIX – nachale XX v. Gosudarstvennye gimnazii, progimnazii, domashnee obuchenie, jeksternat: metod. posobie*, Leningrad, p. 23 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	12.01.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	15.01.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	15.01.15	Опубликована <i>Published</i>	30.04.15

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015

© Перцев В. В., 2015